

Изъ литературнаго наслѣдія Пушкина.

Новооткрытая статья.

Въ числѣ анонимныхъ статей, помѣщенныхъ въ „Литературной Газетѣ“ Дельвига, душой и главной силою которой былъ Пушкинъ, намъ удалось (см. „Новооткрытыя страницы Пушкина“ въ „Пушк. и его современникахъ“, вып. XII, и „Сѣверн. Запискахъ“ 1913 г., февраль) найти еще одну статью, несомнѣнно принадлежащую, и по высказаннымъ въ ней общимъ взглядамъ, и по нѣкоторымъ частнымъ признакамъ, перу Пушкина.

Мы встрѣчаемъ въ этой статьѣ, появившейся въ № 55 „Литерат. Газеты“ 1830 г. (28 сентября, стр. 153--155, отдѣлъ библіографіи, подъ рубрикой „Иностранная словесность“), полнѣйшее совпаденіе съ мнѣніями, которыя Пушкинъ высказывалъ о французской новой литературѣ по поводу романовъ Гюго, Жанена, С.-Бева, вызвавшихъ его рецензіи и замѣчанія на страницахъ той же „Литерат. Газеты“, а также по другимъ поводамъ. Жалобамъ на преобладаніе у французскихъ романтиковъ „однѣхъ формъ, одной рѣзкой новости выраженій“, на отсутствіе „отчетливости въ созданіи“ и „характеровъ“, на всѣ эти формальные и внутренніе недостатки ихъ школы, вполне соотвѣтствуютъ другія жалобы. „Делормъ слишкомъ много придаетъ важности нововведеніямъ такъ называемой романтической школы французскихъ писателей, которые сами полагаютъ слишкомъ большую важность въ формѣ стиха“... (статья о С.-Бевѣ). „Стихъ сталъ у нихъ болѣе свободнымъ и болѣе шероховатымъ“,—около того же времени Пушкинъ писалъ

объ этой эволюціи „благозвучнаго Расиновскаго стиха“ („Домикъ въ Коломнѣ“):

Онъ вынянченъ былъ мамкою не дурой:
 За нимъ смотрѣлъ степенный Буало;
 Шагаль онъ чинно, стянуть былъ цезурой,
 Но пудреной пѣтикѣ на зло
 Растрепанъ онъ свободою цензурой.
 Ученіе не въ прокъ ему пошло:
 Нюго съ товарищи, друзья натуры,
 Его гудять пустили безъ цезуры.
 О, что бъ сказалъ поэтъ-законодатель,
 Гроза несчастныхъ мелкихъ риемачей!
 И ты, Расинъ, бессмертный подражатель,
 Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!..
 Что бъ вы сказали, сей соблазнъ увидя?
 Нашъ вѣкъ обидѣлъ вашъ, вашъ стихъ обидя!..
 Александрійскій стихъ по всѣмъ суставамъ
 Развинченъ. гнется, прыгаетъ легко
 И высоко, какъ бѣлка по дубравамъ;
 Ломается проворно и легко
 На диво всѣмъ парнасскимъ костоправамъ...

Это писано какія-нибудь двѣ недѣли спустя послѣ появленія статьи въ „Литерат. Газетѣ“.

Въ другой разъ („Мысли на дорогѣ“) Пушкинъ съ пренебреженіемъ говорилъ о писателяхъ, „которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли, истинной жизни его“, и которыхъ за это ожидаетъ заслуженное забвеніе. Однажды у Карамзиныхъ говорили о французскихъ романтикахъ, и Пушкинъ, по словамъ А. О. Смирновой (Записки, I, 203—204) „сказалъ, что въ концѣ концовъ романтическая школа выродится въ извѣстную моду и кружковщину, а всякая мода и всякая кружковщина ему ненавистны“, и что „въ поэзіи форма, не содержащая мысли и чувствъ, есть не что иное, какъ упражненіе парнасцевъ“. Пушкина всегда смущало у французскихъ романтиковъ „неясное, неопредѣленное“, которое онъ, съ своей безпощадною ясностью честнаго во всемъ ума, считалъ не необходимымъ и нарочитымъ. Онъ осуждалъ того поэта, который „систематически“ говорилъ себѣ: „*soyons extravagants*“ и „истинное вдохновеніе“ (статья о С.-Бевѣ) замѣнялъ надуманными странностями; Пушкинъ называлъ это—„фиглярствовать странностями“ („Мысли на дорогѣ“). Признавая талантъ cadaго въ

отдѣльности изъ крупныхъ французскихъ романтиковъ. Пушкинъ осуждалъ самую школу за неясность ея художественныхъ стремленій, за ту „безотчетность цѣлаго“, которая тщетно старается скрыть отъ зоркаго глаза отсутствіе внутренней цѣльности. Боратынскаго нашъ поэтъ высоко ставилъ за то, что „никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіемъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости“,—не взирая на то, что „вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличеніе (exagération) модной поэзіи“. Кстати,—поясненія русскихъ словъ французскими, поставленными въ скобки,—напр., „неясное, неопредѣленное (le vague)“—одна изъ типичныхъ особенностей прозаическаго стиля Пушкина, мысль котораго часто рождалась во французской оболочкѣ, и который подчасъ съ трудомъ находилъ удачное русское выраженіе для передачи оттѣнка мысли, легко выражавшагося по-французски.

Вполнѣ въ духъ Пушкина и переводъ заглавія „Исторіи“ Нодье по образцу заглавій старинныхъ русскихъ сказокъ. Такъ и своего „Бориса Годунова“ онъ первоначально собирался озаглавить: „Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству“... („Вѣстн. Евр.“ 1882 г., октябрь, 893; „Пушкинъ и его соврем.“, XII, 9); въ письмѣ къ Л. В. Дубельту 5 марта 1834 г. онъ назвалъ „Исторію Пугачевскаго бунта“—„Исторіей о Пугачевѣ“. Всѣ эти мысли и выраженія Пушкина, сходящіяся почти до буквального тождества съ положеніями, высказанными въ статьѣ о Нодье, притомъ появившейся въ органѣ, гдѣ Пушкинъ проводилъ свои взгляды на литературу, колеблемо убѣждаютъ въ принадлежности Пушкину этой статьи, которою пополняется компендіумъ литературныхъ сужденій великаго писателя.

Н. Лернеръ.

Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux (Исторія о Богемскомъ королѣ и о семи его замкахъ. Соч. Карла Нодье). Парижъ, I т. въ 8-ю д. л.

Нынѣшняя, „романтическая“ французская литература взяла какое-то странное направленіе. Неясное, неопредѣленное (le va-

que) какъ будто бы сдѣлалось ея символомъ и правиломъ. Въ трагедіяхъ новѣйшей французской школы мы видимъ однѣ формы, одну рѣзкую новость выраженій, произвольное измѣненіе благозвучнаго Расиновскаго стиха въ стихъ болѣе свободный, но зато и болѣе шероховатый, — и напрасно ищемъ отчетливости въ созданіи, напрасно ищемъ характеровъ. Сіе же можно примѣнить, съ необходимыми исключеніями, и къ новѣйшимъ повѣстямъ или небольшимъ романамъ, изданнымъ въ послѣдніе годы во Франціи, какъ, напр., *Le dernier jour d'un condamné*, *L'Ane mort et la femme guillotinée*, *La Confession* и т. п. Кажется, образцами ихъ, хотя и отдаленными, были повѣсти Гофманна, Тика и другихъ новыхъ нѣмецкихъ писателей. — Книжка, которой заглавіе выставлено въ началѣ сей статьи, написана не совсѣмъ въ этомъ родѣ: она болѣе сбивается на какую-то аллегорію; но неясность цѣли автора, придуманныя имъ заглавіе и форма сочиненія и безотчетность цѣлаго по праву даютъ книжкѣ сей мѣсто между тѣми, о коихъ мы упомянули выше. Мы перевели ея заглавіе въ подражаніе заглавіямъ старинныхъ русскихъ сказокъ: „о Богемскомъ королѣ“, напомнило намъ Исторію о Петрѣ златыхъ ключахъ, Исторію о Францѣ Венеціанинѣ и т. п.; и въ этомъ, думаемъ, мы не удалились отъ намѣренія Г. Нодье: онъ самъ, кажется, хотѣлъ поманить читателей своихъ стариною, вродѣ французскихъ *fabliaux du moyen âge*.

Въ одномъ изъ парижскихъ журналовъ нынѣшняго года помѣщенъ былъ остроумный разборъ сего новаго произведенія г. Нодье, представленный въ видѣ разговора двухъ читателей. Выписываемъ сей разборъ и по его оригинальности, и по сходству нашихъ мнѣній на счетъ разбираемой книги съ мнѣніями французскаго критика. Вотъ какъ онъ оправдывается въ принятой имъ формѣ критики: „Сочиненіе сіе („Исторія Богемскаго Короля“ и пр.), по странности своей выходящее изъ правилъ всякой оцѣнки, хотя нѣсколько важной, было напередъ опорочено одними и расхвалено другими по причинѣ своей формы. Мы почли за приличное привести здѣсь слѣдующій разговоръ двухъ читателей, отдававшихъ при насъ другъ другу отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ“.

— Читали ли вы „Исторію о Богемскомъ Королѣ и семи его замкахъ“?

— Да, я изъ первыхъ читалъ ее.

— Ну, что же вы о ней думаете?

— Не умѣю вамъ сказать, что думаю. Исторія пречудная; только она очень темна, очень запутана, и, должно сказать правду, не слишкомъ много найдешь связи въ ея неистощимомъ разнообразіи.

— Какъ! неужели вы простодушно искали до конца приключеній Богемскаго Короля? Развѣ вы не отгадали съ первой главы, что авторъ придумалъ это заглавіе для того, чтобы подшутить надъ своимъ читателемъ и придать заманчивую форму своимъ вымысламъ и идеямъ?

— Нѣтъ; не могу похвалиться, чтобъ я отгадалъ это съ первой главы. У меня не такое быстрое соображеніе; притомъ же я не зналъ, что такъ пріятно и сообразно съ хорошимъ вкусомъ подшучивать, какъ вы изволите говорить, надъ своимъ читателемъ. Однако жъ, я началъ догадываться объ этомъ на двадцатой страницѣ. Какъ я ни простъ, а все-таки не похожъ на того добраго парижскаго мѣщанина, который, увидѣвъ на театрѣ комедію *Les Plaideurs* вслѣдъ за „Андромахой“, находилъ, что пьеса Расинова удивительно какъ хороша, да только не понималъ, зачѣмъ она начинается такъ жалко, а кончится такъ смѣшно.

— А! такъ вы знаете этотъ анекдотъ! Да вы читали ль Расина?

— Вопросъ вашъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ вѣжливъ. Какъ могли вы предполагать, будто бы я совершенно незнакомъ съ лучшими произведеніями нашей литературы?

— Хорошо, хорошо! Вижу, до какой точки вы дошли въ ней. Теперь судятъ и критикуютъ Расина, но не читаютъ его. Впрочемъ, вы вольны его читать и даже удивляться ему. Обратимся къ нашему предмету. Не довольно еще доискаться, что въ новой книгѣ не говорится почти о Богемскомъ Королѣ и семи его замкахъ: надобно еще дознаться, что она въ себѣ заключаетъ, вникнуть въ ея смыслъ, въ тонкости, въ аллегоріи.

— Такъ много есть тонкостей и аллегорій въ „Исторіи о Богемскомъ Королѣ“? Я, помнится, замѣтилъ въ ней довольно частые „недосмыслы“; но видно, это потому, что я не все понималъ.

— О! это со всѣми случается. Книгу эту можно назвать обильнымъ рудникомъ: чѣмъ дальше въ ней роешься, тѣмъ больше находишь дорогихъ каменьевъ; но надобно умѣть ихъ распознавать подъ ихъ оболочкой. Золото и брилліанты не сіяютъ полнымъ своимъ блескомъ въ нѣдрахъ земли: надобно имѣть острое зрѣніе, чтобъ ихъ отыскать.

— Я, право, радъ, что съ вами встрѣтился. Безъ сомнѣнія, въ „Исторіи о Богемскомъ Королѣ“ есть множество красотъ и можетъ быть даже полезныхъ уроковъ, которые были бы для меня потеряны, и которые вы потрудитесь мнѣ изъяснить. Когда у меня будетъ ключъ ко всѣмъ имъ, тогда и я окажу другимъ такую же услугу.

— Посмотримъ. Угадали ль вы, кто скрывается подъ именами Пика де-Фанферлюкію, Брелока и Теодора?

— Нѣтъ; да мнѣ большой нужды не было знать, кто сіи три фантастическія существа, которыя говорятъ всегда отрывистыми рѣчами и у которыхъ поминутно на языкѣ или ученость, или чувствительность, когда только они не бредятъ, какъ въ горячкѣ.

— Э! такъ, видно, вы догадались: вы обозначили ихъ характеры, не узнавъ ихъ самихъ. Это доказываетъ, что у автора много правды въ его очертаніяхъ. Пикъ де-Фанферлюкію—ученость; Теодоръ—сердце; Брелокъ—воображеніе: а всѣ они трое вмѣстѣ— г. Нодье.

— Презабавная тройчатка!

— А скажите-ка мнѣ, кто таковъ Бриошѣ? кто Джероламо?

— На это дамъ вамъ отвѣтъ, когда вы мнѣ растолкуете ясно и точно, что такое „Классическая“ и что „Романтическая школа“.

— А деревянные головы Мистигри, у которыхъ мысли приводятся въ движеніе пружинами? а парики Попокамбу-Волосатаго? А люди-машины въ Томбукту, изъ коихъ одни методически просѣвають слова природнаго своего языка въ большой Академической мѣшокъ, другіе скоблятъ мѣстоименія, отбираютъ союзы, провѣвають частицы, шелушатъ нарѣчія? А тѣ молодые люди, которые тасуютъ листки бумаги, на коихъ представлены короли, дамы, валеты, и ловко дѣлятъ ихъ на пять пакетцевъ, думая, что сочиняютъ трагедіи? А тотъ окруженный бокалами Профессоръ, который съ жаромъ толкуетъ о „полиодонтахъ“, „монодонтахъ“, „аниводонтахъ“? А тотъ антикварій, который читаетъ іероглифы и потрошитъ мумію?

— Этѣ-то именно загадки я отгадалъ, да и всѣ, думаю, отгадаютъ, не ломая себѣ голову. Неужели вы хотите подражать тѣмъ комментаторамъ, которые чертятъ бѣлыя поля книги для объясненія того, что ясно само собою, а затруднительныя мѣста оставляютъ во всей ихъ темнотѣ? Боюсь, чтобъ вы не ввдумали мнѣ объяснять, кто такова „Патриція“, и спѣшу васъ упредить. Патриція, кобылица породистая, знатная,—словомъ,

очень и очень благородная, которая когда-то бѣгала рысью, скакала, гарцовала и дивила всѣхъ своими скачками и побрякушками: а теперь устарѣла и стала хрома, крива, разбита и съ норовомъ: согласитесь, что тутъ не нужно дальнихъ объясненій. Знаю также и другую большую кобылицу англійской породы, сродни Джонъ-Булевой кобылицѣ, на которой нельзя ѣздить иначе, какъ заплатя деньги, и которая съ виду кажется бодря, рьяна, съ гордою шеей; а не меньше того Брелокъ сожалеетъ, что ее заковали, спутали и заѣздили.

— Не правда ли: все это удивительныя аллегоріи? Кромѣ того, что онѣ ясны и разительны, какъ сами вы сознаетесь, — не кажется ли вамъ, что онѣ очень остроумны?

— Мнѣ нравится первая; но, сказать ли правду? я не нахожу большого достоинства во всѣхъ этихъ вымыслахъ.

— На васъ трудно угодить; а это вѣдь сатира во вкусѣ Рабелё.

— Вездѣ я слышу ту же похвалу; можетъ быть она очень справедлива; но зачѣмъ же нынче писать сатиры во вкусѣ Рабелё? Когда можно ясно выразить свою мысль обо всемъ, то зачѣмъ хлопотать изъ того, чтобы быть темнымъ?

— Скажу вамъ еще однажды: такая форма гораздо заманчивѣе. Къ тому же, сатира не должна указывать слишкомъ прямо: ей должно прятаться подъ покрываломъ, изъ-за котораго каждый воленъ узнать себя или своего сосѣда.

— Такъ, по вашему мнѣнію, всему есть свой смыслъ въ томъ сочиненіи, о которомъ мы разсуждаемъ? Это большая загадка, которою должны изощряться и догадливость, и терпѣніе всѣхъ любопытныхъ?

— Да, я такъ думаю.

— Съ моей стороны, я радуюсь тому. Мнѣ пріятно будетъ современемъ узнать, кто таковъ Король Богемскій. Мы также узнаемъ, что значить туфель Попокамбу, которому г. Нодье посвящаетъ три или четыре главы, больше наскучившія мнѣ, нежели выведшія меня изъ терпѣнія. Мы узнаемъ, зачѣмъ онъ такъ часто приискивалъ по сотнямъ эпитетовъ къ одному слову; зачѣмъ онъ симметрически нанизывалъ по стольку гласныхъ, которыя сталкиваются между собою и ничего не говорятъ уму. Зачѣмъ онъ наполнилъ сряду девять страницъ именами насѣкомыхъ, какъ напр., *phalènes*, *noctues*, *bombyces*, *pygales*, *zygènes*, *alucites*, *hepiales*, *ptérophores*, *libellules*, *ascalaphes*, *hémérobés*, *myrmiléons*, и пр., и пр.; зачѣмъ онъ въ разныхъ мѣстахъ набиралъ по стольку же именъ собственныхъ; зачѣмъ

онъ тысячу разъ принимался за такія же выходки, которыя кажутся вѣчнымъ повтореніемъ однѣ другихъ, и изъ которыхъ одной было бы очень достаточно для сатирической его цѣли: а такая цѣль вѣрно у него была.

— Была ли у него цѣль? Можно ли въ томъ сомнѣваться? Такой остроумный и смѣтливый человѣкъ, какъ г. Нодье, не написалъ бы пятидесяти или шестидесяти страницъ изъ одного только удовольствія—нивать слова одни къ другимъ.

— Признаюсь, это меня удивляетъ; а все мнѣ кажется, что я правъ. Есть еще и другое удовольствіе, которое могло льстить сочинителю: то, чтобы видѣть, какъ люди умные, съ глубокою проникательностью (какъ вы, сударь), станутъ ломать себѣ голову, отыскивая смыслъ въ словахъ или сказкахъ, которымъ онъ не хотѣлъ придать никакого смысла. Не находите ли вы, что онъ отчасти выказываетъ это безжалостное намѣреніе, заставляя васъ призадуматься надъ тою велемудрою главою, которая начинается сими словами: „Pif, raf, rıaf, ratapan.—Ouhıyın, ouhıyın,—Hoé, hu. Dia hırap. Tza, tza, tza?“ Объясните мнѣ, на милость, эти слова.

— Явное дѣло, что имъ нельзя дать никакого объясненія. Авторъ хотѣлъ здѣсь позабавиться надъ тѣми писателями, которые воображаютъ, что они и глубоки, и высоки, когда умѣли сдѣлаться непонятными.

— Этого достоинства нельзя отвергать и въ „Исторіи о Богемскомъ Королѣ“.

— Такъ вы оуждаете это сочиненіе и говорите, что оно совсѣмъ дурно?

— Боже меня сохрани! Я не оуждаю его; но завидую тѣмъ, которые понимаютъ его отъ доски до доски, и читая его, ни разу не вздремнули.

— Вѣрно только вамъ однимъ не понравилась трогательная и такъ мило и простодушно рассказанная повѣсть Гервазія и Эйлаліи.

— Да развѣ я сказалъ, что эта повѣсть мнѣ не понравилась? Напротивъ, я очень полюбилъ этихъ бѣдныхъ слѣпыхъ дѣтей, и думаю, что ихъ жалкая разлука, горестъ и отчаяніе Гервазія извлекли бы у меня слезы, когда бы не должно было съ трудомъ отыскивать разныхъ частей сего разсказа, между ученымъ вздоромъ Фанферлюкія и шутовствомъ Пульчинелла или Брелока. Блестящее воображеніе и пріятная кисть г. Нодье выказываются также въ эпизодѣ о Вѣчномъ Жидѣ и во мно-

гихъ другихъ отрывкахъ, которые, къ сожалѣнію, всѣ недо-
кончены.

— А въ томъ-то и главная прелесть этой книжки, то есть: въ удачномъ и смѣломъ смѣшеніи веселости, воображенія, ума и учености, гдѣ сочинитель слегка и мимоходомъ коснулся множества разныхъ вопросовъ и предметовъ; гдѣ найдешь и замысловатая аллегоріи, и тонкія, ѣдкія насмѣшки наряду съ учеными разсужденіями и очаровательными мечтами.

— Грація, сила, тонкость, свѣжесть, ученость — все это въ самомъ дѣлѣ есть въ этой книжкѣ; только въ такой смѣси и съ такою небрежностью, которыя страннымъ образомъ бросаются въ глаза, потому что онѣ—слѣдствіе разчета и принятаго намѣренія, а не полной свободы воображенія. Кажется, будто видишь васильки, розы и лиліи, украшеніе садовъ, брошенная съ намѣреніемъ въ клумбу, въ которой нарочно посажены волчцы, репейникъ и крапива.

— Намъ трудно будетъ согласиться.

— И мнѣ такъ кажется. Со всѣмъ тѣмъ, мы согласны уже въ одномъ.

— Въ чемъ же?

— Въ необыкновенномъ талантѣ автора.

Н. О. Лернеръ.

